

НАТАША АЙВЕРС

ОДНИ ГОЛОСА
ЗАМОЛКАЮТ НАВСЕГДА.
А ДРУГИЕ
ПРОДОЛЖАЮТ
ШЕПТАТЬ...

КОГДА
МЁРТВЫЕ

ШЕПЧУТ

18+

Наташа Айверс
Когда мёртвые шепчут

«Автор»

2026

Айверс Н.

Когда мёртвые шепчут / Н. Айверс — «Автор», 2026

Аня не верит в совпадения. Журналистское чутьё подсказывает ей: убийство богатой наследницы и гибель девушки в северном посёлке — звенья одной цепи. Но кто поверит, что предчувствия, тревожные сны и ощущение чужого присутствия — не игра её воспалённого воображения? Она слышит шёпот в темноте и идёт по следу. Пока Аня ищет ответы, за ней наблюдает мужчина, уверенный: она замешана в смерти его невесты. Но чем ближе они друг к другу, тем страшнее тайна, с которой им придётся столкнуться. После смерти одни голоса замолкают навсегда. А другие продолжают шептать

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Наташа Айверс

Когда мёртвые шепчут

Пролог

Я проснулась от собственного крика. Вокруг было темно и глухо, как будто меня закопали под землю — туда, где нет ни верха, ни низа. Потом пришёл холод: он медленно полз по коже под одеждой, разгоняя мурашки и шевеля волоски на теле. И ещё шум. Далёкий и странный, будто ветер в листве. Но он звучал не откуда-то извне, а внутри черепа, как шёпот. Шшшш. А потом ощущение, будто кто-то схватил меня за плечо, выдернул из сна и сразу отпустил, возвращая мне зрение и слух.

Я рывком села в постели, пытаюсь понять, где нахожусь, судорожно дыша. Хижина была холодна, как ледник: печь давно остыла, а окно запотело изнутри. Грудь вздымалась в попытках успокоить рваное дыхание. Моё тело отреагировало быстрее сознания — руки подняты в защитном жесте.

И тут я увидела это: тусклый лунный свет, пробивавшийся сквозь окно, осветил мои руки, покрытые какой-то тёмной жидкостью. Я медленно поднесла ладони к лицу. Пахло кровью. Обе руки были в крови от запястий до кончиков пальцев. Под ногтями кровь была почти чёрной, запёкшейся, а на ладонях — ещё свежая, липкая.

— Что за... — зашептала я, но голос сорвался.

Я сбросила с себя шкуру, которой укрывалась на ночь, и вскочила с кровати, лихорадочно оглядываясь: лавка, пол, остывшая печка. Я резко повернулась к двери, вспоминая, запирали ли её перед сном. Щеколда была на месте.

Я подошла к окну. Оно было сплошным, открывалась только маленькая форточка. Сейчас она была приоткрыта, впуская в дом холодный ночной воздух. За окном была темень — ночь ещё не закончилась. Сквозь стекло угадывались лишь силуэты деревьев. Где-то вдали тявкали собаки.

Я подошла к ведру у двери и опустила в него руки, разбивая тонкую корку наледи. Вода тут же потемнела. Ржавый, металлический запах ударил в нос.

Стук в висках усилился. Я не помню, чтобы выходила. Я не помню ничего. Где я могла пораниться? Откуда кровь?..

Оттерев ладони, я вымыла пальцы, выскребая засохшую кровь из-под ногтей. Ощупав голову, живот, руки, ноги я не нашла ни ран, ни синяков, ни царапин.

Стало понятно, что кровь была не моей.

— Тогда чья это кровь? Что я сделала? Где я была? На улице? Ходила во сне?.. А если там, перед домом, кто-то лежит? Раненый?.. Или — я я кого-то...

Мысль о том, что я могла кого-то ранить, и теперь на моих руках чужая кровь, выбила воздух из лёгких. Голова закружилась. Я бросилась к двери, отодвигая щеколду. Холод ворвался в хижину мгновенно, ударив в лицо. Снаружи пахло дымом и соснами.

Я шагнула вперёд — снег хрустнул под босыми ногами. Я забыла обуться, но мне было всё равно. Я огляделась. Вокруг — нетронутый, тонкий слой снега, что выпал ночью. На нём не было ни капель крови, ни следов человека, ни зверя.

Вдруг вспомнилось предупреждение Туяры оставаться в доме до рассвета. Я вернулась внутрь, заперла дверь, разожгла печь и снова залезла в кровать.

Так я и просидела, обхватив руками колени и не отрывая взгляда от огня, до самого рассвета.

Глава 1

— Положи. Пресс-папье. На место.

Голос у босса был ровный, но с таким холодком, что я тут же замерла с поднятой рукой. Он сидел за столом, сложив пальцы в замок, и смотрел на меня так, будто я держала в руках не безобидного стеклянного медведя с лупой в лапе, а ядерную бомбу, которая при малейшем неосторожном движении с моей стороны сотрёт человечество с лица земли.

— Да что с ним случится-то, Господи? — фыркнула я, вертя зверя в руках. — Сто лет тут стоит, пыль собирает.

— Вот именно. Сто лет! Это — подарок моей дочери. Положи, кому говорят!

Я закатила глаза и с преувеличенной осторожностью поставила стеклянную безделушку на место.

Алексей Романович моментально потянулся вперёд и придвинул фигурку поближе к себе. С таким видом, будто я её украсть пыталась. Я с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза.

— Ты со своими шаловливыми ручками, Аня, — начал он, скалясь, но я перебила:

— Что не так с моими руками? — я скрестила их на груди.

— А то, что растут они у тебя явно не из того места, вот что, — отрезал он. — Напомнить, что случилось с блюдцем в прошлый раз? Как ты в сердцах шмякнула его об стол? А потом я, уставший, голодный, после десяти часов верстки свежего номера, мотался по городу в поисках замены тому самому фарфору, который мне жена подарила на годовщину нашей свадьбы!

— Ну я же извинилась.. И даже потом торт принесла, — буркнула я.

— За триста рублей из круглосуточного ларька за углом. Спасибо, Аня. Был растроган до слёз. Но изжога — штука беспощадная. Я потом два дня лекарства пил, чтобы пережить твои искренние извинения.

Я плюхнулась на стул, шумно выдохнула и посмотрела на него. Босс, конечно, мог быть язвительным и въедливым, но при этом всегда был на моей стороне.

Когда коллеги-мужчины намекали, что журналистика — не женское дело, а герои моих статей грозились личной встречей в подворотне, и даже когда местные чиновники пытались надавить, он всегда был за меня, давая всем им отпор.

Он был моим редактором, моим учителем и моей каменной стеной. И я знала, что Белов никогда не подставит.

Я пришла в редакцию «Городские вести» сразу после университета с ещё свежим дипломом, блеском в глазах и желанием свернуть горы. Алексею Романовичу хватило пары минут, чтобы понять: со мной будет непросто. Я была слишком настырной, хотела всё и сразу и не собиралась довольствоваться рутинной работой.

Сначала мне поручали мелочи: фоторепортажи с городских новогодних мероприятий, заметки о ремонтах дорог, интервью с завхозом школы 18. Всё, что никто не хотел делать, летело ко мне в папку. Я писала быстро, чётко, без жалоб и всегда в срок. Но чем больше я писала, тем отчётливее понимала, что это не то, для чего я пришла в журналистику. Мне тесно в новостных рамках про детские утренники и ДТП, я хочу вгрызаться в истории, докапываться до сути, вытаскивать наружу то, о чём у других не хватает смелости рассказать.

— Хочу расследование, — заявила я однажды боссу, постучавшись в его кабинет.

— Найди тему — поговорим, — пожал он плечами, казалось, совсем не удивившись.

Я две недели рылась в открытых данных, спала по три часа в сутки, обложилась схемами, таблицами и сводками. И вернулась в его кабинет с цифрами, распечатками, выписками, логическими выводами и дрожащими от возбуждения руками.

Алексей Романович внимательно выслушал меня, потом долго молчал, перелистывая бумаги и заставляя нервничать. Лист за листом, документ за документом.

— Здесь нужен опытный журналист, — сказал он наконец, и впервые я заметила в его голосе что-то вроде сомнения. — Думаю, можно поручить Сергееву.

— Вы так уверены, что я не справлюсь?

— Дело не в этом. Просто слишком большое дело наклёвывается. Я бы поручил его кому-нибудь с опытом.

— И другого пола, — бросила я.

— Не начинай, Аня.

— Тогда поручите это дело мне. И, если сомневаетесь, назначьте кого-то мне в напарники.

Он задумался. Потом кивнул, потянулся к телефону и сказал:

— Тебя устроит Костя? Арефьев? Дисциплинированный, исполнительный. Без фантазии, зато с отличной памятью и точностью армейского хронометра. Будет твоими руками и ногами.

С Костей мы и правда сработались. Иногда он не понимал, зачем я часами просиживаю в городском архиве, выискивая договор аренды какой-то подвальной кладовки пятилетней давности. Не понимал, но шёл и заказывал нужные тома, когда я просила. Он находил нужные документы, ездил в командировки, ждал у кабинетов. И если поначалу между нами была дистанция, то уже через пару месяцев мы понимали друг друга с полуслова и полувзгляда.

Расследование затянулось почти на год. Сначала всё было, как в кино: азарт, карты на стене и доска с фамилиями, названиями фирм и мест. Потом началась рутина: сверка реестров, ожидание справок, тупики. Костя копал документы, а я опрашивала людей. Кто-то отшивал вежливо, кто-то — с угрозами. Пару раз даже, на всякий случай, записала номера машин.

Когда материал был готов, я думала: всё, вот он — мой звёздный час. Алексею Романовичу я передавала распечатку с надеждой на похвалу и признание. Он прочитал. Потом вызвал юристов.

И тут начался ад.

— Это убрать.

— Вот это — переформулировать.

— По этому пункту нас могут обвинить в клевете, если не будут собраны неопровержимые доказательства.

— А тут у вас — предположение, поданное как факт.

Я злилась и негодовала. Считала, что они выхолащивают мой текст, делают его безликим и скучным. Они урезали — я спорила. Они требовали источников — я билась в ярости: "Ну я же там была! Лично с ним разговаривала!"

Юристам было плевать. И вот тогда я и ворвалась к боссу в кабинет, жалуясь на произвол и грохнув несчастное блюдце об стол, на что Алексей Романович спокойно ответил:

— Они не враги тебе. Они — твои щиты, чтобы потом не пришлось спасать твою шкуру в суде по делу о клевете.

Я переписывала статью дважды. В третий раз мы перерабатывали её уже с боссом. Сидели допоздна. Он читал вслух, я правила.

— Видишь? — сказал он, подчеркивая абзац. — Тут ты оставила суть, но написала так, что при всём желании не к чему придраться. Это и есть настоящая журналистика. Не хайп и не громкий скандал, а выверенный, точный удар на основе проверенной информации.

И когда статья вышла — с заголовком, о котором мы спорили с Беловым почти целую неделю, — я вдруг поняла, это работает.

Через два дня мне написала бывшая сотрудница одной из компаний из схемы. Анонимно. С дополняющими документами и подробностями по одной из сделок.

Чуть позже — звонок от мэра с просьбой прислать документы на проворовавшегося сотрудника. А потом — мне пришла повестка в суд по делу о клевете.

И всё это время босс был рядом. Он говорил, кому и как отвечать, сидел на встречах с адвокатами. А когда дело о клевете закрыли с формулировкой: «в связи с отсутствием состава преступления», и я пришла его благодарить, он только хмыкнул:

— Ну вот, а ты упрячилась. Вместо того, чтобы адвокатов нанимать да по судам бегать, мы сидим, кофе пьём и просто разговариваем. Запоминай, девочка: всё решает подготовка. После драки уже поздно кулаками махать.

Он был прав, в тот раз. Сегодня — нет. Сегодня он ошибался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.